

Ляйрих Елена Борисовна

**ОБРАЗНОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ В РОМАНЕ И. А. БУНИНА "ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА"**

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/1/2010/1-1/38.html](http://www.gramota.net/materials/1/2010/1-1/38.html)

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

**Альманах современной науки и образования**

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 103-106. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/1.html](http://www.gramota.net/editions/1.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/1/2010/1-1/](http://www.gramota.net/materials/1/2010/1-1/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [almanac@gramota.net](mailto:almanac@gramota.net)

почти безучастно переживала его истерику, как переживает под деревом мимолетную грозу» [1, с. 529]. Фашист испытывает жуткий страх, поэтому природа неродное для него

Эстетические и философские воззрения Л. Леонова во многом тождественны взглядам М. Пришвина, которого принято называть создателем «новой мифологии», отличной от официальной с ее приматом коллектива над личностью и апологией государства, и который последовательно созидал свои художественные принципы: в искусстве не должно быть «человека без земли», литература без «чувства природы» не может противостоять атрофии прекрасного. М. Пришвин, как и Л. Леонов, был убежден, что время славить человека - властелина мироздания уже забыто и предлагал отказаться от антропоцентристского типа мышления, утверждая единство человека с живым и неживым естеством, слитность природно-биологического и социально-духовного в жизни личности.

«В основе узлового конфликта «Русского леса» лежит бинарный архетип. Амбивалентные образы Вихрова и Грацианского построены по принципу зеркальной композиции» [2, с. 116], каждая из фигур имеет отражения в лице персонажей-двойников: у Вихрова - Осьминов, Поля, Сережа, Калинка и др.; у Грацианского - Чередилов, Андрейчик, Кнышев и др. Двойники, помимо функции, расширяющей зону деятельности автора, несут и важную содержательную нагрузку, реализуя по воле повествователя на практике те или иные научные постулаты. В книге воссозданы два образа жизни: кабинетное существование Александра Яковлевича и «бродячая жизнь» Ивана Матвеевича, который не раз путешествовал по стране, собирал материал для книг (на Крайнем Севере - гл. 4, в центральных губерниях, в родных местах - гл. 17), вглядывался в лик России, стараясь угадать по ее суровому прошлому неведомое будущее.

Важнейшим средством познания мира и способом философского мышления Л. Леонова выступает ирония, заключающая в себе авторскую оценку несоответствия жизненных идеалов и действительности посредством гротеска или пародии, парадокса или контраста, гиперболы или литоты. «Ирония - это не только путь познания, но и принцип философского осмысления действительности писателем, свойство его художественного мышления» [3, с. 123]. В романах Л. Леонова часто встречается беспощадная ирония, сконструированная по принципу парадоксального смещения отображаемого. Она служит исходной позицией повествования, проявляясь в его пространственно-временной структуре, пронизывает образную систему в психологическом, социальном и философском аспектах; отражается в деталях, свето-цветовой палитре текста, в авторской речи, утверждающей одно, а подразумевающей другое. Ироническая оценка образа в его иносказательной метафорической сущности, по мнению писателя, - не что иное, как «<...> новая, скрытая координата, как орудие дополнительного углубления и самого емкого измерения героя» [1, с. 198], универсальный способ «интегрирования» образа и конфликта. Ироническое письмо позволило автору в разной мере выразить свое отношение к командиру красноармейцев Рахлееву, отчаявшемуся усмирять силой оружия непокорных мужиков («Барсуки»); к идущему в абстрактное никуда («вперед и вверх») Векшину, потерявшему себя как личность на полях гражданской войны и в столичных пивных («Вор»); к решительным «строителям» новой жизни, рационалистам Потемкину и Увадьеву («Соть»); к кающимся интеллигентам братьям Скутаревским («Скутаревский»); к бессильным Кормилицыну и Дудникову («Дорога на Океан»); к честолубивым и коварным Грацианскому и Чередилову («Русский лес»).

В «Русском лесе», расширившем горизонты романного жанра и углубившем миропонимание писателя, проявился новый тип леоновского видения, в основе которого лежат единство интеллектуальной, культурологической и философской мысли, не монолог, а диалог, полемически заостренный по отношению к фабуле книги и ее пафосу, времени и исторической эпохе.

#### *Список литературы*

1. Леонов Л. Полное собрание сочинений: в 10 т. М., 1982. Т. 9.
2. Петищева В. А. Романы Л. М. Леонова 1920-1990-х годов: эволюция, поэтика жанра. М., 2007.
3. Хрулев В. Художественное мышление Леонида Леонова. Уфа, 2005.

УДК 82-31

*Елена Борисовна Ляйрих*

*Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина*

#### ОБРАЗНОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ В РОМАНЕ И. А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»<sup>©</sup>

В изучении русской литературы на современном этапе выделяются актуальные области литературоведения. Одной из основных тем является тема русской провинции, её отражения и роли в художественных произведениях писателей. Провинция, сравнительно со столицей, является относительно новой темой литера-

турно-культурологических исследований. В рамках статьи, естественно, нельзя в полной мере отразить все аспекты изучения и отражения данной темы, но обозначить её представляется возможным.

В современных исследованиях литературоведы обращаются к изучению русской провинции, текстов, которые, воспроизводя реальность, отражают особую «мифологию места», являющуюся существенным источником его историко-культурной реконструкции. Провинция становится составным элементом культурного пространства, она не просто служит статическим фоном литературного произведения, а сама порождает героев и ситуации, подобным образом выражая их мироощущение и миропонимание.

На протяжении своего длительного развития русская литература, особенно в XIX веке, очень часто обращалась изображению провинциального мира. Провинцией в полном смысле этого слова в русской литературе является провинциальный город, образ которого со всеми его вариантами составляет определённую систему. В качестве отправной точки можно рассматривать образ города N, созданный Н. В. Гоголем. Являясь пространством бытования пошлости и зла, провинциальный город отражал лишённый всякой перспективы трагический взгляд на русскую действительность. Подобным образом изобразены провинциальные города в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Островского, Ф. М. Достоевского и др. Однако, русская литература знает и другую провинцию, живущую своей самодостаточной, независимой жизнью, не подражая столице, сохраняя нравственные идеалы и моральные устои прошлого. Такое изображение провинции свойственно Л. Н. Толстому, И. А. Бунину, Н. С. Лескову и др.

Художественное пространство провинциального города в литературных произведениях является моделью реального, географического пространства, но кроме пространственных отношений выражает и временные, и социальные, и этические. По мысли Ю. М. Лотмана, «художественное пространство представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений, при этом, как часто бывает и в других вопросах, язык этот, взятый сам по себе, значительно менее индивидуален и в большей степени принадлежит времени, эпохе, общественным и художественным группам, чем то, что художник на этом языке говорит, - чем его индивидуальная модель мира» [2, с. 253].

Разноплановы присутствующие в литературе пространственные картины: образы пространства, замкнутого и открытого, земного и космического, реально видимого и воображаемого, представления о предметности близкой и удалённой. Литературные произведения обладают возможностью сближать, сливать воедино пространства самого разного рода. По словам Ю. М. Лотмана, «язык пространственных представлений в литературном творчестве принадлежит к первичным и основным» [3, с. 447]. Оно разнопланово, сложно и глубоко по своей сути.

Специфика изображения русского провинциального культурного пространства XIX века в литературе писателей-эмигрантов первой волны являет собой определённый феномен. Автобиографическая проза Русского Зарубежья первой половины XX в. - вообще особое явление в истории отечественного словесного искусства. Потеря писателями Родины, стремление воскресить её в художественном слове, чтобы запечатлеть её лучшие стороны и черты для передачи последующим поколениям, определила появление таких произведений, как «Жизнь Арсеньева» И. Бунина, «Лето Господне» и «Богомолье» И. Шмелёва, «Путешествие Глеба» Б. Зайцева, «Дюжина ножей в спину революции» А. Т. Аверченко, очерков и рассказов Н. Тэффи и других произведений, которые позже вошли в золотой фонд отечественной литературы.

Реальное культурное пространство провинциальной России конца XIX - начала XX века получило своё новое рождение в литературе Русского Зарубежья. Россия для них стала подчас идеализированным воспоминанием. Провинция, как города, так и имения, усадьбы в произведениях И. А. Бунина, Б. Зайцева, Тэффи выступает как пространство, формирующее внутренний мир и мировосприятие героев. Включённость малого пространства в большое, бесконечности - в пределы одного дома, вечности - в пределы секунды, характерна и для автобиографического романа «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина.

Роман «Жизнь Арсеньева» (первоначально получивший название «Истоки дней») Иван Алексеевич Бунин писал долго. Бесспорно, сам автор относился к «Жизни Арсеньева» как к главному произведению своей жизни.

Усадьба Батурино в художественном тексте романа (в действительности хутор Бутырки и усадьба в д. Озёрки Становлянского района Липецкой области) - целый бесконечный мир времени и пространства, запечатлённый и отражённый в веках, выраженный в хронотопе произведения. «В самом деле, вот хотя бы то, что рос я в великой глуши. Пустынные поля, одинокая усадьба, среди них. Зимой безграничное снежное море, летом-море хлебов, трав и цветов... И вечная тишина этих полей, их загадочное молчание... Глубина неба, даль полей говорили мне о чём-то ином, как бы существующем помимо их, вызывали мечту и тоску о чём-то мне недостающем, трогали непонятной любовью и нежностью неизвестно к кому и к чему...» [1, с. 11]. Сравнивая в романе пространство русской провинции, оставшейся в памяти детства (Бутырки, Озёрки, Елец, Орёл), с пространством другой страны - приюта эмигрантов, Бунин отмечает разницу в его организации. Широта, бесконечность горизонтального простора русского провинциального пространства противопоставляется чёткой вертикали господствующей над заграничным провинциальным городом архитектурной точки. «В стране, заменившей мне родину, много есть городов, подобных тому, что дал мне приют, некогда славных, а теперь загложивших, бедных, в повседневно существующих мелкой жизнью. Всё же над этой жизнью всегда - и недаром - царит какая-нибудь серая башня времён крестоносцев, громада собора с бесценным порталом, века охраняемым стражей святых изваяний, и петух на кресте, в небесах, высокий господний глашатай, зовущий к небесному Граду» [1, с. 8].

В описании провинциального города, которое Бунин даёт через призму детского восприятия, непосредственного и наивного, можно проследить взаимопроникновение пространства личностного и реального географического, определить влияние пространственных впечатлений на формирование мировоззрения и личности главного героя. В то же время Бунин даёт это восприятие пространства с точки зрения взрослого человека, делая экскурс в прошлое. Реальный провинциальный город Елец отражён в первой части романа «Жизнь Арсеньева» как заповедная страна, самое далёкое и самое необыкновенное место из всех последующих путешествий автора. «Зато как помню городское утро! Я висел над пропастью, в узком ущелье из огромных, никогда мною не виданных домов, меня ослеплял блеск солнца, стёкол, вывесок, а надо мной на весь мир разливался какой-то дивный музыкальный кавардак: звон, гул колоколов с колокольни Михаила Архангела, возвышавшейся надо всем в таком величии, в такой роскоши, какие и не снились римскому храму Петра, и такой громадой, что уже никак не могла поразить меня впоследствии пирамида Хеопса» [Там же, с. 11]. (Это улица Свердлова, ныне снова Архангельская). Поездка в Елец дала маленькому Алёше Арсеньеву глубокие впечатления, оставшиеся в памяти как нечто необыкновенное, и как указывает Бунин, раскрыла радости земного бытия. Такой восторг, такую радость, как от коробочки с ваксой, купленной на базаре в городе, герой не испытал за всю последующую жизнь. И две великие радости: от сапожек с красным сафьяновым ободком на голенищах и плёточки не смогли затмить никакие последующие впечатления. «С каким блаженным чувством, как сладострастно касался я и этого сафьяна, и этой упругой, гибкой ременной плёточки! Дома, лёжа в своей кровати, я истинно замирал от счастья, что возле неё стоят мои новые сапожки, а под подушкой спрятана плёточка. И заветная звезда глядела с высоты и говорила: вот теперь уже всё хорошо, лучшего в мире нет и не надо!» [Там же].

Противопоставление открытого пространства полей, деревенской простоты и свободы и закрытого острога стало для души главного героя-ребёнка, как и для самого Бунина, одним из глубочайших потрясений (Реальная, до сих пор существующая и действующая тюрьма, раньше была на окраине города Ельца, в настоящее время находится по ул. Коммунаров - Л. Е. Б.). «Мы выехали из города в предвечернее время, проехали длинную и широкую улицу, уже показавшуюся мне бедной по сравнению с той, где была наша гостиница и церковь Михаила Архангела, проехали какую-то обширную площадь, и перед нами опять открылся вдаль знакомый мир - поля, их деревенская простота и свобода. Путь наш лежал прямо на запад, на закатное солнце, и вот вдруг я увидел, что есть ещё один человек, который тоже смотрит на него и на поля: на самом выезде из города высился... жёлтый дом... в каждом окне была железная решётка, он был окружён высокой каменной стеной... и стоял за решёткой в одном из этих окон человек... с лицом, на котором выражалось нечто такое сложное и тяжкое, что я ещё отроду не видывал...» [Там же, с. 12]. У Бунина противопоставление пространства открытого и замкнутого отражает формирование понимания ребёнком разницы в знании инстинктивном и приобретённом. «Но ведь слишком скудно знание, приобретаемое нами за нашу личную краткую жизнь - есть другое, бесконечно более богатое, то, с которым мы рождаемся... Я сам почувствовал, сам угадал...» [Там же].

По мере взросления главного героя неизбежно расширяется воспринимаемое им пространство провинции, в том числе и реального города Ельца и его окружи. Во второй части романа непосредственное младенческое восприятие уступает место осмыслению впечатлений уже более взрослому. В описаниях старого русского города и его окрестностей появляются исторические сведения, предания и легенды. Автор устами главного героя рассказывает о разбойничьей славе Становой под Ельцом, об истории города, что «...принадлежал к тем важнейшим из оплотов Руси, что, по слову летописцев, первые вдыхали бурю, пыль и хлад из-под грозных азиатских туч...» [Там же, с. 51], упоминает о разорении его ханами, опустошении пожарами, голоде, море и т.д. Легенда о татарском князе, сорвавшемся вместе со своим конём-аргамаком с жёлтых скал, стоящих над рекой, давшая название слободе Аргамаче, упоминаемая в романе не один раз, бытует и поныне. Бунин упоминает несметные церкви, блестевшие вдаль (Всего до революции их было 43, вместе с монастырями - Л. Е. Б.) [4, с. 52], древний мужской монастырь, подробно, до мельчайших деталей, описывает улицы, слободы: Чёрную Слободу, Аргамачу, Заречье и др. Пространство провинциального города расширяется всё дальше, увеличиваются описания, углубляется воздействие культурного ландшафта на развитие, взросление героя.

Некоторые современники рассматривали «Жизнь Арсеньева» как биографию самого автора. Подобная точка зрения не оригинальна, но очень заманчива. Однако следует заметить, что самого Ивана Алексеевича это приводило в негодование. Он утверждал, что его книга автобиографична лишь постольку, поскольку автобиографично всякое вообще художественное произведение, в которое автор непременно вкладывает себя, часть своей души. Сам он именовал «Жизнь Арсеньева» автобиографией вымышленного лица. Справедливо утверждая, что целиком «жизнь человеческую написать нельзя», Бунин перед началом очередной части своей книги каждый раз останавливался перед проблемой отбора самого важного. Он писал свою книгу, сжимая время, соединяя несколько лет в один год. Это уплотнение времени писатель осуществил не только в том отношении, что соединял события, происшедшие в разное время. Главное было в том, что спрессовывались, сливались внутренние, душевные переживания героя, который очень быстро вырос. Проще же говоря: по интенсивности чувств и мыслей «арсеньевский» год - это несколько «бунинских» лет, а сам Алексей Арсеньев - как бы «сконцентрированный» автор, в главных чертах его личности. «Жизнь Арсеньева», с одной стороны, - автобиография вымышленного лица, а не просто Ивана Алексеевича Бунина.

С другой же стороны, эта книга - самая откровенная, лирическая и исповедальная из бунинских творений. Отсюда и двуплановость, постоянное присутствие автора, прошедшего уже длинный жизненный путь, его теперешняя точка зрения, его сегодняшнее мироощущение, вливающееся в давнее, взаимопроникновение былого и настоящего.

Творчество уникального писателя-эмигранта И. А. Бунина составляет неотделимую от целого часть русской литературы, хотя продолжалось оно в отрыве от родины, далеко за пределами России, освещая не только жизнь, ушедшую в прошлое, но и представляя собой настоящее литературы. Произведения писателей Русского Зарубежья стали доступны для современного читателя и тем самым обогатили культуру и литературу, а потому их творчество достойно пристального изучения, проникновения в живую ткань текста, постижения истинного русского языка, который сохранили и донесли до нас писатели, творившие далеко за пределами России, а так же определения места и значения их творчества, как в русском, так и мировом культурном пространстве. Они сказали своё «Слово», когда «...молчали гробницы, мумии и кости...», их творчество стало плачем по русской земле и культуре, которую потеряли не только они, уехавшие, но и те, кто остался на родине. Культурное пространство провинциальной России, неотделимое от мирового, сохранилось в литературном наследии исконно русских писателей XIX-XX веков.

#### *Список литературы*

1. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева. Тёмные аллеи. Рассказы 1932-1952 гг.: собр. соч.: в 5 т. М.: Художественная литература, 1988. Т. 5. 639 с.
2. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988. 352 с.
3. Лотман Ю. М. Избр. статьи: в 3-х т. Таллинн, 1992-1993. Т. 1. 480 с.
4. Найдёнов А. А., Новосельцев А. В. Храмы и монастыри Липецкой и Елецкой епархии. Елец-Липецк, 2006. 511 с.

УДК 82-84

*Марина Евгеньевна Макарова*

*Самарский государственный экономический университет*

#### ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГОВОРК КАК КОММУНИКАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА<sup>©</sup>

Давно замечено, что мудрость и дух народа проявляются в его пословицах и поговорках, а знание пословиц и поговорок того или иного народа способствует не только лучшему знанию языка, но и лучшему пониманию образа мыслей и характера народа.

Следует отметить, что в каждом языке существуют фразы и выражения, которые нельзя понимать буквально, даже если известно значение каждого слова и ясна грамматическая конструкция. Смысл такой фразы остается непонятным и странным. Попытки дословного перевода пословиц и поговорок могут привести к неожиданному, часто нелепому результату.

По мнению лингвистов, с помощью фразеологических выражений, которые не переводятся дословно, а воспринимаются переосмыслено, усиливается эстетический аспект языка. И. Е. Аничков писал: «С помощью идиом, как с помощью различных оттенков цветов, информационный аспект языка дополняется чувственно-интуитивным описанием нашего мира, нашей жизни» [1, с. 15].

Например, английская фраза «not room to swing a cat» (дословно: «нет места, чтобы размахивать кошкой») соответствует русскому выражению «яблоку негде упасть».

Целью данной статьи является исследование грамматической структуры поговорок современного английского языка.

Поговорка - это коммуникативная фразеологическая единица непословичного характера. Большинство поговорок носит разговорный характер. В английском языке поговорок во много раз меньше, чем пословиц.

В своем большинстве поговорки являются оценочными оборотами. Они могут выражать как положительную, так и отрицательную оценку.

Поговорки с положительной оценкой: more power to your elbow! - желаю удачи!; one's word is as good as his bond - на его слово можно положиться; быть хозяином своего слова и др.

Поговорки с отрицательной оценкой: does your mother know you are out? - у тебя молоко на губах не обсохло; woe betide you! - будьте вы прокляты!

Безоценочные поговорки: what's up? - что случилось?; where do you hail from? - откуда вы родом?

Для поговорок, также как и для пословиц, характерна однозначность.